

С.М. АНТАКОВ¹

¹*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ И АНТРОПНЫЙ КРИЗИС

Аннотация. Обсуждаются теоретические соображения, лежащие в основе отрицательного догматического («философия умерла») и диалектического (предполагающего отделение категориальной философии от философской риторики) ответов на вопрос о судьбе философии. Догматическое решение критикуется с позиций трансцендентальной философии. Показывается, что диалектический ответ находит своё обоснование с тех же позиций.

В той же теоретической перспективе рассматривается ещё одно условие, от которого зависит будущее философии – спасение самого человека как субъекта философии, в определённом смысле тождественного философии. Это вовлекает в обсуждение тему антропного кризиса и его трансцендентальных причин и предопределяет нетривиальный вывод: в деле спасения философия может взывать только к себе самой.

В ходе обсуждения формулируется ряд условий, выполнение которых представляется необходимым (но, может быть, не достаточным) для признания завершённости категориальной философии, не тождественной философской риторике.

Ключевые слова: категориальная философия, философская риторика, бытие, сущее, антропный кризис, отчуждение, экономизм.

S.M. ANTAKOV¹

¹*Nizhny Novgorod State University NI Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

THE FUTURE OF PHILOSOPHY AND ANTHROPIC CRISIS

Abstract. In this article we discuss the theoretical considerations underlying the negative dogmatic (such as “philosophy is dead”) and dialectical (implying a separation of categorical philosophy from philosophical rhetoric) responses to the question about the fate of philosophy. We criticize the dogmatic approach from the standpoint of transcendental philosophy and show that the dialectical approach finds its justification in the same vein.

In the same theoretical view we consider another condition affecting the future of philosophy – the salvation of man as the subject who creates philosophy. In some sense, the subject of philosophy is identical to philosophy itself. This brings in a theme of the anthropic crisis with its transcendental causes and determines a non-trivial conclusion: philosophy can appeal only to itself to be saved.

During the discussion, we formulate a number of conditions which seem necessary (but perhaps not sufficient) for recognition that categorical philosophy which does not equal to philosophical rhetoric, is complete.

Keywords: categorical philosophy, philosophical rhetoric, being, existence, anthropic crisis, alienation, economism.

1. Вопрос о судьбе философии

Возможно, первым, кто задумался о судьбе философии, был Кант. Затем, в XIX веке, Гегель, гегельянец Маркс и позитивисты вполне сознательно задались вопросом «есть ли у философии будущее?» и сообщили отрицательный ответ. При этом Гегель связывал конец истории философии с концом всеобщей истории, а позитивисты, начиная с О. Конта, напротив, – с бесконечным историческим прогрессом, в котором философия, по их мнению, оказалась пройденным этапом. Маркс тоже верил в бесконечный прогресс и называл предшествующую историческую эпоху предысторией, которая должна закончиться с наступлением «царства свободы», когда философия будет не нужна. После названных мыслителей были Ницше и Хайдеггер, которых зачастую считают предшественниками философского постмодернизма, и собственно постмодернисты, но, кажется, последние не внесли в постановку вопроса ничего принципиально нового, а запомнились пышной риторикой, в частности, обыграли парадокс *философских* разговоров о *небытии философии*.

Некоторые авторы считают представленное общее решение неверным, однако и положительный ответ («философия имеет будущее») кажется им односторонним и не учитывающим историко-диалектические тонкости. Далее будут рассмотрены отрицательный (догматический) и диалектический ответы на вопрос о будущем философии.

Кроме краткого исследования упомянутых мнений, будет рассмотрено одно из условий, от которого зависит будущее философии. Это – спасение самого человека как творца и хранителя философии, сохранение субъекта, который может быть отождествлён с философией как таковой, являющейся не только знанием, отчуждаемым от своего создателя, и не только деятельностью, производящей философское знание. Обсуждение этого условия необходимо приводит к теме *антропного кризиса*, угрожающего существованию человека и его философии. Обратным образом, благоприятное для человеческого рода разрешение этого кризиса имеет своим условием сохранение философии как знания, что и демонстрируется следующим далее философским текстом. В конце концов, спасение философии (творческого источника философского знания) есть дело самой философии.

В ходе обсуждения формулируется ряд условий, выполнение которых представляется необходимым (но, может быть, не достаточным) для признания завершенности категориальной философии, которую необходимо отличать от философской риторики.

2. Догматический ответ на вопрос о судьбе философии

Позитивизм, корни которого (как, впрочем, и враждебной ему *экзистенциальной* философии) легко усматриваются в кантианстве, с самого начала выдвинул тезис о конце философии, которая якобы лишилась своего *предмета*, как будто раздав его по частям частным наукам. И сегодня есть философы, которые поддерживают этот тезис. Они вступают тем самым в перформативное противоречие – противоречие между «словом» (смыслом высказывания) и «делом» (событием самого высказывания), – дающее пищу занимательным постмодернистским размышлениям*.

Для возражения таким философам можно привлечь если не букву, то дух Канта: философия сохраняет свою актуальность, поскольку её подлинный «предмет» – *бытие*, предметом вовсе не являющееся. В таком случае самый вопрос о предмете философии некорректен, его предпосылка ложна, так как бытие (объективное и субъективное) – это не сущее, непредмет, и предметом частных наук оно быть не может.

Однако для позитивно мыслящего философа бытие объективно и остаётся предметом. Такой философ, если и говорит о бытии, то отождествляет его с сущим (всем сущим)**. Это положение было закреплено, в частности, во всех советских учебниках философии, продолжающих оказывать влияние сегодня.

Позитивное мышление равно отвергает и небытие, и бытие, которое не есть сущее, отвергает непередмет как «метафизическую выдумку». Таким образом, оно ограничивается предметами, которые суть законные (утверждённые Кантом) предметы научного мышления. Позитивист (в обобщающем смысле этого слова), включая и гегельянца, и феноменолога, и неокантианца, – подлинный учёный, приверженный подлинно научному Парменидову принципу тождества бытия и мышления. Позитивное (как и противоположное, негативное) решение проблемы существования философии является догматическим, потому что положения «бытие есть», «бытия нет», «небытия нет» – догматические***, т.е. принимаемые на веру.

Можно привести многочисленные высказывания мыслителей, начиная с древнегреческих, которые дают право сделать вывод: «бытие, отличное от сущего» – это отрицание материального (вещного) сущего. Такое сущее ясно и определённо само по себе: это то, что дано (положено) в опыте мне, другим людям, и то, что может быть дано в опыте в будущем. *Отрицание* же сущего неопределённо, как любое отрицание (ну что такое, скажем, «недереву», а тем более «непередмет»?). Если воспользоваться языком Канта, то «бытие» – идея разума, пустое понятие, объём которого нельзя наполнить предметным содержанием, исполнить и которое не может быть предикатом, а следовательно, и субъектом суждений. Оно лишь направляет и побуждает разум к познанию. В силу неопределённости отрицание сущего может быть исполнено почти любым мыслимым содержанием, часто ценой кантианского паралогизма. Мыслители это и делали по своему произволу, хотя и были частично ограничены принятыми традициями ответов на вопрос о бытии. Кто-то отвечал, что бытие – это материя, кто-то – что это природа, атомы, Вселенная, а кто-то – человеческое социальное бытие, жизнь. Иные отвечали, что это – Бог.

В любом случае бытие есть *непередмет веры* негативиста – того, кто отрицает единственность (полноту) сущего. Почему веры? Материальное (вещное) сущее – это то, что признаёт позитивист, это начало его позитивных, т.е. естественнонаучных, знаний. *Знание*, в кантианском смысле, возможно лишь о сущем, данном в опыте. Негативист же вдобавок к сущему гипостазировывает *бытие, отличное от сущего*. Поэтому оно и является непередметом его *веры*. По этой причине и в этой «логике» всякий тезис о бытии лишь *вероятно* истинен, он является философской или научной гипотезой. Да, научной тоже, потому что в науке тоже есть место вере. Например, вере в атомы, или в электроны, физические поля, эфир, теплород, кварки, струны и расширение Вселенной, наконец, вере в истинность предложения Гёделя, которое говорит о своей недоказуемости. При историческом взгляде на «физику» (естествознание), которого, кстати, не было у Канта, видно, что «физика» неотделима от метафизики. Используемые современной физикой онтологические понятия (вроде некоторых из вышеприведённых) по-кантиански пусты, они принципиально не могут быть наполнены «материей чувственных созерцаний», не могут иметь конститутивного применения и так же, как «бытие» у метафизиков, применяются в регулятивном смысле. Все подобные применения коррелированы с актами веры.

Таким образом, позитивистский ответ «нет» на вопрос, есть ли будущее у философии, является догматическим. Этот вывод имеет ещё одно подтверждение, исходящее из анализа логических модальностей эпистемических суждений. Только подлинно научное знание, если следовать его кантианскому пониманию, имеет аподиктическую модальность. И это никоим образом не противоречит тому, что ранее принятое за необходимую истину знание может быть отвергнуто в будущем как ложное мнение. Что касается метафизических суждений, то они, в соответствии с тем же кантианским учением, не научны. Следовало бы согласиться с тем, что они имеют проблематическую модальность. И если догматическое мышление придаёт суждениям аподиктическую модальность, то критическое мышление превращает её в проблематическую. Но Кант не мог знать, что противоречия – антиномии и парадоксы – обнаружатся в XIX – XX веках в самой науке, казалось бы, надёжно обоснованной им.

Помимо прочего, сказанное подтверждает то, что может быть трансцендентальным и вместе с тем математически ясным образом продемонстрировано: подвижность и условность границы между созерцанием (отображением, репрезентацией) и творением (конструкцией), в частности, между естественными и гуманитарными «знаниями». Креативный характер метафизики и её неотделимость от «физики», способной развиваться, кажется, бесконечно, ставит под сомнение позитивистский вывод о конце философии.

3. Бытие – продукт риторики (в частности, философской). Фундаментальный философский дуализм

Категориальная философия, равным образом идеализм и материализм (необходимые продукты развития науки и мышления вообще), или платонизм и атоанизм, или трансцендентальный реализм и трансцендентальный идеализм, вглядываясь в ограниченный мир сущего и пополняя его воображаемым сверхсущим (идеями, атомами и т.п.), формирует систему категорий, способную построить образ мира (природного и социального) и человеческой деятельности в нём. Эта философия консервативна, и появляется вопрос, на который нет однозначного ответа, – надо ли перестраивать систему категорий, когда мир и практика меняются? Есть ли критерий существенности изменений, которые могли бы потребовать преобразование? Такие перестройки происходили по меньшей мере дважды в истории западной философии – в Средние века и Новое время, однако нет уверенности, что они были действительно необходимы, что в античной науке и философии неоплатонического синтеза было недостаточно понятийных средств, чтобы отобразить реалии и концепции (в том числе математические) новых времён. Изменения мира и практики, если они не существенны, компенсируются – на базисе категориальной философии – философской риторикой. Языковая деятельность, называемая риторикой, является также важным передаточным звеном от созерцания, от репрезентирующей (категориальной) философии к конструирующей практике.

Как показала Б. Кассен, «бытие» и онтология – продукт (эффект) софистической риторики [5] и, надо добавить, полезный продукт. Софистика здесь понимается в положительном смысле. Близкое понимание риторики, в частности, при анализе онтологического аргумента Ансельма и Декарта, можно найти у логика Е.Г. Драгиной-Чёрной [3; 4] и исследователя средневековой схоластики С.С. Неретиной [8, с. 201-205 (и др.)]. Программирование информационных (в том числе управляющих) систем тоже является языковой деятельностью, родственной риторике, поэтому не случайно и в этой

области необходимо появилась идеология языкового (программного) порождения онтологий [6].

Риторика порождает словарные значения, отличные от дискретного набора стабильных значений категориальной философии и языковой картины мира, риторика порождает новые смыслы, чтобы преобразовывать мир. Сегодня это делает непосредственно язык – универсальное средство решения практических проблем. Чтобы преобразовать вещь, придав ей нужные свойства, сегодня достаточно написать программу для механического рабочего (хотя и раньше инженер мог объяснить рабочему, что и как делать, и приказать ему это делать, и язык был таким же инструментом). Как видно, фундаментальным дуализмом оказывается не дуализм философских партий – идеалистов и материалистов, академиков-абсолютистов и софистов-релятивистов, не дуализм философий соответствующих политических партий – аристократов и демократов, консерваторов и либералов, приверженцев традиций и приверженцев новаций, а стоящий за всем этим дуализм теории и практики, или знания и веры. Но это не логические альтернативы. Как показывает наука и жизнь и как утверждает теория, граница между названными членами оппозиции подвижна и зыбка.

Представления людей о бытии, их онтология меняются вместе с ходом истории. И это оправданно, потому что всякий тезис о бытии, отличном от сущего, имеет проблематическую модальность. Если он истинный, то лишь вероятно истинный. Достоверно для нас пока лишь то, что мы видим своими глазами. Достоверно, что я существую и существует мой мир. Однако и в это можно только верить, поскольку, как показал ещё Декарт, прибегая к ссылке на сновидения, в существовании мира и меня самого можно сомневаться. Сегодня эту мысль передают, пользуясь метафорой компьютерной виртуальной реальности («Матрицы»). Бытие требует веры, и это внеконфессиональная вера, это «философская вера» в смысле Ясперса [9]. Но как показывает история начала философии, связанная с Фалесом, Пифагором и Парменидом, эта вера происходит непосредственно из веры в сверхъестественное.

Указанная фундаментальная философская двойственность может быть представлена хорошо известным философам дуализмом (двусмысленностью) кантианской «вещи в себе», позволяющей дать ей субъективистскую (Фихте, Гегель) и объективистскую интерпретации. Обращение к нему прямо ведёт к самым глубоким корням метафизики, к Парменидову тождеству и его отрицанию, к антиномии Парменида, порождаемой тезисом «небытия нет». Сфера риторики и софистики связывается с этической сферой, обработанной Кантом. Указанный дуализм по-разному выражается разными авторами. Вот одно из ряда подобных толкований: «Эта двусмысленность понятия вещи-самой-по-себе повлекла за собой в последующем двоякую её интерпретацию: с одной стороны, подчёркивали независимое существование и непознаваемость вещи-самой-по-себе, а с другой – вещь стали трактовать как функцию практического разума, как эпифеномен практического отношения человека к миру, как его результат и воплощение» [8, с. 481].

Обсуждаемая «двусмысленность» есть, вообще говоря, субъект-объектный дуализм, проявляющийся как двойственность природы и культуры, естествознания и исторического знания, «чистого разума» (теории) и «практического разума» (практики). Она распространяется и на «вещь в себе», субъективный аспект которой представляется как «эпифеномен практического отношения» субъекта к феноменальному миру. Та же

двойственность стоит и за противоположностью реалистической (онтологической) и инструментальной (прагматической) интерпретаций знания. Это отношение, имеющее формальное математическое выражение, а в метафизике предполагающее невозможность полного разделения двух своих оппозиционных членов.

4. Возможный диалектический ответ на вопрос о судьбе философии

Известен двусмысленный, можно сказать, диалектический ответ на вопрос «Есть ли у философии будущее». Поскольку Аллен Бадью – авторитет для философов, привлечём его лекцию [1]****. Бадью верит в прогресс философии. По его мнению, этот прогресс обусловлен прогрессом в науке, политике, искусстве и любви. При этом философия якобы всегда только приспособляется к изменениям в этих областях культуры, т.е. «всегда приходит второй» [1, с. 10-11]. Однако с этим невозможно согласиться в силу контрпримеров, которые дали хотя бы Платон и Кант. Эти мыслители опередили математиков (Платон предвосхитил теорию типов Б. Рассела, Кант – теорему о неполноте К. Гёделя), и они были математическими философами, что в случае Канта менее заметно, поскольку Кант оперировал с *логическим* образом научного знания.

Если прогресс в науке прекратится, – продолжает Бадью, – то умрёт и философия. «И действительно, от Гегеля и Огюста Конта до Ницше, Хайдеггера и Деррида, а также у Витгенштейна и Карнапа мы обнаруживаем философскую идею вероятной смерти философии, во всяком случае, в её классической форме метафизики». Но, сообщает Бадью, – «смерть» философии – это только переход от созерцания (от метафизики) к действию, как говорили об этом Маркс и Ницше [1, с. 12-14]. Это действие называется мыслью (и Мамардашвили мог бы назвать «философствованием» именно его). Но его можно назвать ещё риторикой, риторическим действием, ответственным либо безответственным «дискурсом».

Свою позицию Бадью разъясняет следующей метафорой: «Кант сказал, что история философии – это поле битвы... Но это также повторение одной и той же битвы на одном и том же поле. Здесь может пригодиться музыкальный пример. Становление философии осуществляется в соответствии с классической формой темы и вариаций. Повторение – это тема, а постоянная новизна – вариации... Таким образом, будущее философии является, как и её прошлое, творческим повторением» [1, с. 26-27].

Итак, философское (теоретическое) мышление по Бадью не является источником новаций, в отличие от политики, искусства, науки и любви, т.е. областей, которые можно назвать практическими. Эти практические источники служат причиной мелких новаций, сравниваемых с вариациями на заданную тему. Философия уже сложилась как тема, риторика только расцветивает её вариациями. Философия вечно повторяется, но повторения эти разнообразятся.

Этот вывод правдоподобен: философия, существующая в завершённой гражданской истории, сама подобна этой истории. Тогда философия как *система* завершена, но философская *деятельность* способна вечно продолжаться путём повторения актов выбора между дуальными подсистемами системы.

5. Учебник философии как показатель завершения её категориальной формы

Признаком завершения философии, отличной от философской риторики, было бы написание Учебника философии, но его появление пока не наблюдается. Если удастся написать Учебник философии, который будет принят всеми философами, то философию, отличную от философской риторики, можно считать завершённой. Однако всеобщее одобрение такого Учебника было бы крайне трудным делом и потребовало бы упорной борьбы именно с философской риторикой.

Такой Учебник должен быть Учебником *математической* философии. Математическая философия – это философия, которая пользуется математическими средствами убеждения. Такие средства я разделяю на собственно математические и логические (внешние для математики, если логика имеет риторическое происхождение). Логическое средство убеждения – это доказательство, т.е. дедукция предложений из принятых без доказательства начал. Неявно полагают, что доказательство – единственное средство убеждения в математике, так что аксиоматико-дедуктивный метод изложения математики якобы и есть собственно математический метод. Нет, математика пользуется ещё недедуктивным методом убеждения, основанным на аналогии, иными словами – на моделировании. Найдя простую модель сложного явления и убедив адресата в том, что имеет место сходство модели и явления (которое моделируется), уже легко убедить его в том, что явление обладает прочими свойствами модели. То, что стали подразумевать под *сущностью* изучаемого явления в Новое время, – это математическая модель.

Убеждение посредством дедукции в философии малопродуктивно, зато убеждение посредством математических моделей имеет, как я думаю, большие перспективы. Им пользовались многие мыслители, начиная с Платона.

6. Антропный кризис как угроза философии

Однако существует угроза и философии, и философской риторике, и культуре вообще. Она связана с *антропным кризисом*. Это угроза существованию человека как вида. Прекращение существования человека как вида надо понимать в двух смыслах. Во-первых, как физическую гибель всех или почти всех разумных существ на Земле. Тогда это угроза, в частности, экологического кризиса, причиной которого считается деятельность самого человека. Во-вторых, исчезновение человека может быть частичным и означать трансформацию самой человеческой «природы», какой она исторически сложилась к настоящему времени. Результатом такой вполне возможной трансформации будет появление *многих видов* разумного, но уже не человеческого существа. Или не человеческого и вместе с тем неразумного существа.

Рост неразумия, иррациональности человека – составляющая антропоного кризиса. Согласно некоторым научным свидетельствам, человечество в среднем в последнее время глупеет (снижается его IQ), перестаёт интересоваться наукой и философией. Те, кто мог бы заниматься наукой, выбирают другое поприще и отдаются соблазнам потребительства и гедонизма. Философская риторика XX века тоже приложила к этому руку (или язык), развернув кампанию по дискредитации разума как такового.

Таким образом, в антропоном кризисе имеет место отчуждение индивида от разума. И более того – от традиционной веры. Вера заменяется суевериями, которые внедряются на научной основе средствами массовой информации. Может показаться парадоксальным, но

это отчуждение от разума сопровождается предельной рационализацией человека. Парадокс исчезает, если различить рассудок и разум – как это делал ещё Кант. Рационализация – это не просто опредмечивание, но превращение человека в машину, рефлекторно реагирующую на стимулы. Происходит это по существу насильственным действием со стороны финансово-экономической системы.

Другой аспект антропного кризиса – биологический. Это, в частности, «гендерная революция», ведущая к лишению человеческого вида природного полового различия. Эта «революция» – только момент ожидаемой «революции телесности», в результате которой, возможно, тело человека интегрируется с вычислительной машиной или подвергнется другим не менее радикальным трансформациям.

7. Критика науки и техники. Потребность в экзистенциальной философии науки

Науку(естествознание) критиковали за то, что она превращает качества вещей в числа, создаёт цифровой образ реальности, и этот образ вытесняет саму реальность. Гуссерль обвинил в этом Галилея, а Хайдеггер – Канта. Надо добавить, что такую редукцию «жизненного мира» прodelывает и экономическая наука, идущая за экономической практикой. Она тоже очисляет, но не физические (естественные), а социальные качества (по сути, отношения) людей, заменяя их денежным эквивалентом. Маркс показывает, как происходит это отчуждение (опредмечивание) «человеческой сущности» от человека.

Причину антропного кризиса часто видят в технике, «технизме». Это верно только отчасти. Ближе к истине тот взгляд, что причиной антропного кризиса является не столько техницизм, сколько экономизм. Экономизм подчинил себе науку (об этом говорят мягко: «институционализировал») и обусловил бурное развитие техники в эпоху модерна. Под экономизмом в данном случае надо понимать не *теоретическую* установку сводить социальные, политические и нравственные явления к экономическим (рыночным) отношениям, а *практическое* действие, подчиняющее все прочие ценности одной – ценности производства денег (прибыли).

Трудно рассуждать о причинах кризиса и роли науки в нём в рамках фундаменталистской и позитивистской философии науки. К такой философии науки относятся собственно позитивизм и неопозитивизм, но также и постпозитивизм, сохраняющий некоторые существенные черты неопозитивизма. Так что современная философия науки пока не помогает в решении проблемы кризиса. Причину этого я вижу в разобщённости фундаментальной философии (экзистенциальной философии) и философии науки. Адекватный анализ требует их соединения, т.е. разработки такой философии науки, которая была бы отлична от неопозитивизма и постпозитивизма. Её можно назвать *экзистенциальной аналитикой науки*.

В её развитии уместна философия Ясперса, поскольку он – не только философ-иррационалист, но и мыслитель, выражающий своё мировоззрение научно-систематически и наиболее строгим и внятным языком. Началом и трансцендентально-логическим ядром его учения является концепция Объемлющего. Замечательно то, что фундаментальное понятие Объемлющего может быть разъяснено путём его математического моделирования. Цель такого моделирования в этом и др. случаях – наиболее ясное изложение философии, не уступающее в ясности изложению математического знания. Как я уже сказал, моделирование

(т.е. аналогия) как способ убеждения в философии более эффективно, чем формальное доказательство, столь ценное в той же математике.

Философия может выполнить свою роль в разрешении кризиса на стороне массового человека, а не отчуждающей его от человечности экономической силы. Однако философия находится в кризисе, поскольку теряет авторитет и вытесняется философской (софистической) риторикой. Риторика, если она – средство экономизма, должна быть разоблачена. Это поможет как в преодолении антропного кризиса, так и в восстановлении влияния категориальной (академической) философии.

8. Значение модальностей

Цель анализа антропного кризиса – обосновать адекватный подход к его причинам на наиболее глубоком, т.е. метафизическом, трансцендентально-логическом уровне. Удобным средством такого анализа оказываются трансцендентально-логические модальности. Сам этот анализ, в свою очередь, является средством выработать теоретическое решение проблемы антропного кризиса, доступное философам, а тем самым – и прочим людям, что даёт возможность её практического решения.

Формально-логические модальности (например, классические – возможность и действительность) определяются как субъективный способ мышления предмета (явления). Они могут быть получены из фундаментальных трансцендентально-логических модальностей, к которым я отношу конъюнктивную, дизъюнктивную и негативную. Их коррелятами являются, соответственно, предмет, дизъюнктивный предмет и не предмет. Речь идёт об общих основаниях формальной и трансцендентальной логики.

Трансцендентальные модальности позволяют сформулировать «антиномию Парменида» и антиномию Рассела подлинно философским языком: «непредмет не есть предмет и есть предмет»; «совокупность предметов есть предмет и не есть предмет». В чём теоретическая важность этих антиномий? Парменид, основоположник научной и метафизической западной традиции, столкнулся с антиномией и выбрал её решение, называемое рационалистическим. Этот выбор надо назвать также *позитивным*. Это выбор *тождества* бытия и мышления. Можно показать, что генеральный метод математического и экспериментального естествознания основывается на этом тождестве. Продолжателем Парменида (и Платона) в Новое время был Кант. В центре его философии тоже оказалась антиномия (в известных модификациях), но в отличие от Парменида Кант сознательно поместил антиномию в центр своей критической философии. Другой, непарменидов, выбор по существу сделали софисты и иррационалисты. Кант двойственен, как двойственна его вещь в себе, он относится к иррационалистам благодаря гипостазированию непознаваемой вещи в себе («непредмета»), но также и к рационалистам. Тождество и нетождество метафизически порождают «две культуры» (естественнонаучную и гуманитарную) и две философии (позитивизм и «негативизм», более привычно называемый иррационализмом).

Опредмечивание не предмета в Новое время происходит в виде машины. Человек как любой другой предмет естествознания представляется таким предметом и исследуется методом моделирования. Это имеет негативное значение ввиду антропного кризиса, потому что теоретический результат такого исследования превращается в практический образец для реального человека. Человек *в действительности* редуцируется к машине принуждающей силой экономизма. Только «благодаря» всевластию экономизма (глобальной экономической

системы, какой мы её сегодня знаем) естествознание становится враждебным человеку. В редукции естественного человека к искусственному элементу механической социальной системы как «идеале» экономизма и заключается причина антропного кризиса или катастрофы, требующая трансцендентально-логического анализа.

Естественная наука (вроде бихевиоральных наук) находит внешние условия, при которых поведение массового человека соответствует целям коммерческой и политической рекламы, т.е. уподобляется поведению машины. Практика экономизма, идущая за наукой, реализует эти внешние условия, что означает *практическое* превращение человека в машину.

Сказанное не означает осуждения науки. Наука реабилитируется более высокой философией науки, той, что едина с экзистенциальной философией. Практическое разрешение кризиса предполагает превращение науки из средства бесчеловечной экономической системы в человеческую цель.

Примечания

*См., в частности, [1; 2; 4, с. 124-125; 9].

**Так это делал, по-видимому, Парменид. Он употреблял слова *сущее, он*, и *бытие, einaí*, как синонимы.

***Их нельзя считать *аналитически* истинными либо ложными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики / пер. с франц. Д. Кралечкина. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 111 с.
2. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. 430 с.
3. Драгалина-Черная Е.Г. Дедукции существования. Путешествуя по возможным и невозможным мирам // Возможные миры: семантика, онтология, метафизика. М.: Канон+, 2010. С. 40-66.
4. Драгалина-Черная Е.Г. Тяжба о «ста талерах»: *via eminentiae* // Кантовский сборник. 2009. №2 (30).
5. Кассен Б. Эффект софистики. М.; СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга; Культурная инициатива, 2000. 238 с.
6. Лапшин В.А. Онтологии в компьютерных системах. М.: Научный мир, 2010. 222 с.
7. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
8. Неретина С.С., Огурцов А.П. Реабилитация вещи. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2010. 799 с.
9. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 419-508.
10. Derrida J. D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie. P., 1983.
11. Vattimo G. The End of Philosophy in the Age of Democracy // Le Portique. 2006. № 8.

REFERENCES

1. Bad'ju A. *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki. Per. s franc. D. Kralechkina*. [mysterious relationship of philosophy and policy. Trans. with France. D. Kralechkina]. Moscow: Institute of Humanities Research, 2013. 111 p. (In Russian)
2. Derrida Zh. *Pis'mo i razlichie. Per. s fr. pod red. V. Lapickogo*. [Writing and difference. Trans. with fr. ed. B. Lapitski]. St.Petersburg, Academic Project Publ., 2000. 430 p. (In Russian)
3. Dragalina-Chernaja E.G. *Dedukcii sushhestvovaniya. Puteshestvuja po vozmozhnym i nevozmozhnym miram* [Deduction of existence. Traveling on the possible and impossible worlds]. *Vozmozhnye miry: semantika, ontologija, metafizika*. Moscow: Canon +, 2010, pp. 40-66. (In Russian)
4. Dragalina-Chernaja E.G. *Tjazhba o «sta talerah»: via eminentiae* [The lawsuit of "a hundred thalers»: via eminentia]. *Kantovskij sbornik*, 2009, no. 2 (30). (In Russian)
5. Kassen B. *Jeffekt sofistiki* [Effect of sophistry]. Moscow; St.Petersburg: Moscow philosophical foundation; University Book; Cultural Initiative, 2000. 238 p. (In Russian)
6. Lapshin V.A. *Ontologii v komp'yuternyh sistemah* [Ontologies in computer systems]. Moscow, Science World, 2010. 222 p. (In Russian)
7. Liotar Zh.F. *Sostojanie postmoderna* [Lyotard Postmodern condition]. Moscow, Institute of Experimental Sociology; SPb, Aletheia, 1998. 159 p. (In Russian).
8. Neretina S.S., Ogurcov A.P. *Reabilitacija veshhi* [Rehabilitation of things]. St.Petersburg, Publishing House "Mir", 2010. 799 p. (In Russian)
9. Jaspers K. *Filosofskaja vera* [Philosophical belief]. *Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii*. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp 419-508. (In Russian)
10. Derrida J. *D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie* [D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie]. P.1983.
11. Vattimo G. *Vattimo G. The End of Philosophy in the Age of Democracy* [The End of Philosophy in the Age of Democracy // Le Portique]. 2006. No. 8.

© Антаков С.М., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антаков Сергей Мирославович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Antakov Sergey Miroslavovich – Ph.D., Associate Professor of History, methodology and philosophy of science, Nizhny Novgorod State University. NI Lobachevsky.